

Чай с липовым медом

Когда мой знакомый Григорий Цицero поймал меня в переулке за галстук и стал тащить к себе в гости, я зартачился. Но у Цицero были такие Иисусовы глаза, а галстук так захлестнул мою шею, что волей-неволей пришлось согласиться.

Домочадцы встретили меня улыбками. Хозяйка, Вера Григорьевна, после маринованных огурцов и справедливых нареканий на погоду коротко остановилась на проблемах озеленения микрорайона и принесла тушеную телятину.

Цицеровцы славились щедрым оптимизмом и крепкими семейными традициями. Кажется, на каком-то активе их даже упоминали в докладе.

После вишневого компота все пошло, как по добротному сценарию. Из соседней комнаты появился отличник Витя. Кроме круглых пятерок в табеле, у него были круглые щеки и круглые зеленые глаза. Витя молча пихнул мне пудовый семейный альбом, снимки которого Цицероны комментировали хором. Мне оставалось вежливо улыбаться и время от времени бросать жизнерадостные реплики.

— Витя катается на велосипеде.

Возглас: «Какой милый малыш!»

— Дядя Петя в три годика.

Нейтральное одобрение: «Это интересно».

— Дочь Семена Еремеевича Рита купается в фонтане.

Неподдельное изумление: «Впервые вижу такой чудесный фонтан!»

Когда пыль с альбома большей частью перешла на мои выходные брюки, Витя ухмыльнулся и полез на шкаф.

— Фотографировать он у меня мастак,— пояснил загадочные Витины действия Цицero-папа.— Способный чертенок.

«Способный чертенок» притащил ворох серых грязных бумажек и задышал в ухо. Пришлось немного поерзать в кресле и даже лицемерно пожалеть об очках, которых я, собственно, никогда не носил.

— М-да, оригинальный закат. Любопытно. Довольно пластично...

А это, оказывается, не закат, а слон в зоопарке (немой восторг).

После чая с липовым медом демонстрация семейных талантов была продолжена.

Длинноносая Лида в ритме гусарского марша отбарабанила на пианино четыре пьески. В глазах у меня потемнело. Я через силу аплодировал и мысленно посочувствовал соседям Цицero.

Потом была пантомима, затем — сцены из домашней оперы с элементами акробатики, далее, кажется, фокусы...

В разгар моего знакомства с творческим опытом цицеровцев мне в грудь ткнулся бумажный голубь. Из-за стола выросла соломенная челка и похожие на сибирские пельмени уши. Из садика пришел самый юный член коллектива Костя. Я похолодел. Нетрудно было представить получасовой концерт юного дарования с чтением стихов, пением и, возможно, с бурными плясками.

Я понимал Цицero-папу. Ему очень хотелось, чтобы я, так сказать, талантом очеркиста запечатлел все это на газетной полосе, но мне-то было каково!?

Однако Костя, а попросту Котя, на все увещевания родителей ответил категориче-

ским отказом. Он задумчиво подергал мои усы и заметил:

— А я могу быть папой!

Котя забрался в кресле, надел очки и, развернув газету, загнусавил:

— Пишут, пишут и чего только пишут, кретины! Вот опять этот болван Сенюшкин. И кому это надо? Котя, перестань болтать ногами, а то живо мозги вправлю!

Моя фамилия, кстати сказать, Сенюшкин, а потому мне пришлось лишь мудро улыбнуться. Зато Цицero-папа густо покраснел, сунул Коте конфету и попытался начать разговор о международном положении.

— Хочу быть Витей,— запротестовала соломенная челка.

Круглый отличник молча показал ему круглый кулак. Котя не обратил на это внимания, забрался на стул и подрисовал усы на портрете Веры Григорьевны.

Потом, изображая длинноносую Лиду, долго мазал перед зеркалом губы. Когда очередь дошла до мамы, Вера Григорьевна утащила Котю спать.

Прощались без улыбок. Цицero-папа льстиво трепал меня за мой многострадальный галстук и что-то бубнил о международном положении.